

Лара Давейн

ДИТЯ МЭРНИКЕҢ

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)
Л25

Лара, Д.
Л25 Дитя Мэрибет / Д. Лара, — М. : Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2024. — 366 с.

ISBN 978-5-517-12261-2

Каньди-Роуд — большое, уютное поместье, расположенное в лесах, недалеко от Брюсселя. Молодой юноша Мишель Лаверус приезжает туда, чтобы дожить остаток своих дней в покое и тишине, но кто мог знать, что скрывается за старыми дверями поместья? Какое прошлое хранят его стены, а главное, как это прошлое связано с Мишелем?

Двадцать лет позади, а впереди — лишь неизвестная пустота, разящая смертью. Успеет ли он разгадать тайну поместья или Каньди-Роуд закроет створки и навсегда оставит его в темноте?

BIC FH
BISAC FIC031000

© Джейн Лара, текст, 2024
© Маша Машкеевич, обложка, 2024
© Марьям Хадысова,
 шрифтовое оформление обложки, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-517-12261-2

Письмо к Элайзе

Моя дорогая Элайза!

Я знаю, что уже давно должен был рассказать тебе всю правду. Ту правду, что туманила мой разум долгие годы. Я думал, что не смогу нормально жить после того, что произошло в поместье нашей семьи. Канди-Роуд.

Я просыпался в горячке каждую ночь, смотря затуманенным взором сквозь решётки на окнах моей темницы, названной домом.

О, это было невыносимо, но каждое мгновение, проведённое в этом кошмаре, скрашивали мысли о тебе. Ты, Элайза, — тот единственный свет, что не давал тьме сомкнуться надо мной. Не давал ей поглотить меня.

Я хочу, чтобы ты знала правду. Мою правду...

С любовью, твой Огастус.

Пролог

За окном стояла глубокая ночь. Одна из тех, в которые становится так холодно и тоскливо, что сами кости сотрясаются от дрожи. Лес за окном был густым и полнился туманом, а деревья в этом лесу казались лишь тенями, корявыми и сухими, точно и не живыми вовсе. Лапы их ветвей скреблись по крыше поместья, разнося глухое эхо по его опустевшим комнатам и коридорам. Сама ночь была особенной. Луна не различалась в темноте небосвода, и лишь её редкие лучи пробивались сквозь грубые, лоснящиеся темнотой облака. Воздух был разрежён и проникал в коридор сквозь приоткрытую форточку, наполняя её запахом ночи.

Мэрибет Лаверус частенько оставалась одна. В этих тихих, могильно-холодных стенах ей не было страшно. Она привыкла к одиночеству, что стало для неё единственным другом.

Аластер Лаверус отлучился в город. Теперь он делал это гораздо чаще, особенно с тех пор, как Мэрибет вынашивала его дитя.

Девушка провела холодной ладонью по выпирающему животу, прикрытому подолом ночной рубашки, украшенной ажурными оборками. С Аластером они обвенчались недавно. Она была его пятой женой. Статный мужчина, всегда прямолинейный и непоколебимый, напоминал Мэрибет отца. Ей нравился контроль, но порой казалось, что Аластеру он нужен самому. Именно поэтому Мэрибет теперь шагала по коридору поместья и заглядывала в панорамные окна, тянущиеся по всей его длине. Одной рукой она придерживала живот, ощущая, как внутри толкается малыш, а в другой в такт её ходьбе покачивался топор. Холод стелился по полу, пробегая ледяными пальцами по голым ступням и икрам.

Дойдя до конца коридора, Мэрибет услышала отдалённое

рыдание и завернула за угол. С каждым шагом звук плача нарастал. На стенах висели портреты. Тени от свечей, горящих в позолоченных канделябрах, играли в их глазах, заставляя те искриться, точно живые. Они с осуждением взирали на девушку, но ей было всё равно. Мэрибет миновала темноту коридора и наконец достигла спальни. Это была комната служанки.

Потрёпанная деревянная дверь была омерзительна для женщины, но она заставила себя постучаться в неё, пряча топор за спиной.

Плач тут же затих, и всего через минуту дверь приоткрылась, а в образовавшуюся щель Мэрибет разглядела заплаканное лицо служанки. Натали была худой и очень похожей на саму Мэрибет, и девушка частенько думала, что именно из-за этого Аластер решил взять её служить в поместье.

— Госпожа? — удивилась Натали. — Госпожа, у вас всё хорошо? Нужна помощь?

Всё внутри у Мэрибет переворачивалось от отвращения, но лицо хранило вежливое выражение беспокойства.

— Дорогая Натали, я слышала плач, — сказала она.

Служанка потупилась.

— Д-да. Извините, госпожа, что разбудила вас, просто...

— Вы меня не разбудили, — отрезала Мэрибет грубее, чем надо было. Увидев обескураженность, отразившуюся на лице служанки, она быстро добавила: — Я желаю войти.

Натали обернулась назад, а затем без явной охоты открыла дверь, давая Мэрибет возможность зайти внутрь. Половицы скрипели под шагами хозяйки дома.

Спальня служанки была маленькой. Напротив двери располагалось окно, занавешенное тяжёлыми гардинами, а рядом с ним крохотная тумбочка. Сбоку стояла кровать, на которой лежала большая книга в грубой кожаной обложке.

Мэрибет знала, что это за книга.

И знала, какую силу она в себе несёт.

Служанка увидела, куда упал взгляд хозяйки дома, и сжа-

лась. Мэрибет прятала руку с топором за спиной, чувствуя его успокаивающую тяжесть.

На полу возле кровати мелом был нарисован круг, а в нём ещё один. Служанка стояла в центре этого круга, а её пальцы были перепачканы в белой извести.

Она должна с этим покончить.

— Как ты могла...

Мэрибет вынула топор из-за спины. Всё это должно было закончиться. Должно было перестать мучить её изо дня в день.

— Госпожа... — дрожащим голосом прохрипела Натали. — Прошу. Я не хотела!..

— Ведьма! — выкрикнула Мэрибет, давясь подступающими слезами. Она направилась к служанке, ощущая, как руки и ноги немеют, становясь словно чужими.

— Нет! — разрыдалась Натали, отступая к окну. — Прошу вас. Нет!

Она должна это сделать.

Мэрибет занесла руку. Топор прорисовал в воздухе плавную дугу.

Послышался вскрик. Грохот. Мэрибет тяжело дышала, а с острого кончика топора стекали красные бусины, казавшиеся почти чёрными в свете свечей.

Натали лежала на полу. Под ней растекалась лужа багровой крови, а похолодевшая рука служанки покоилась на её округлённом животе.

Внутри живота Натали ещё билось маленькое сердечко.

Ребёнок.

Глава 1

Окипаж стучал колёсами по ухабистой дороге. Сквозь густые лесные просторы просвечивали солнечные лучи, поблёскивая росой на траве. Занималось зарево, покрывая позолотой небосвод. Какие-то тени блуждали меж тонких елей и раскидистых сосен, и казалось, что их далёкий мрачный стон доносился до ушей глухим плачем.

Что-то тёмное нависало над лесом, не давая солнцу окончательно проникнуть в этот потаённый мир, кишачий тайнами и мраком. Вороны сидели на ветвях, провожая экипаж чёрными глазами-бусинами. Протяжное «ка-а-ар» доносилось ему вслед.

Тень стелилась позади, смешивая свой шёпот с дребезжаньем колёс. Она всё разрасталась и разрасталась...

— ...Дорогая бабуля пишет, что страшно огорчена твоим состоянием, Мишель, и надеется, что отдых в поместье пойдёт тебе на пользу... Мишель? Мишель?!

Мишель Лаверус отвлёкся от созерцания пейзажа за окном и лениво посмотрел на брата. На его высокой фигуре сюртук сидел идеально, лакированные туфли блестели в предрассветных лучах, а мягкое лицо сквозило беспокойством. Огастус Лаверус был в Брюсселе не последним человеком — своя железнодорожная компания приносила большую прибыль, уважение и почёт в высших кругах. Он славился своим умом и усидчивостью. Но Мишеля огорчал тот факт, что он сам почти никогда не видел своего достопочтенного брата.

Некогда игривые серые глаза детства сейчас были подёрнуты суровостью, а в чёрных, как смола, волосах проглядывались седые пряди — для его лет это было совсем не свойственно.

Куда же подевался тот озорник, что играл с Мишелем в прятки в уже такие далёкие детские годы?

— Ты должен меня слушать, когда я с тобой разговариваю, брат, — наставлял Огастус, поправляя перчатку на правой руке. Мишель ещё помнил, как в детстве его брат не носил этих гнусных перчаток, прикрывающих обожжённые шрамами руки.

Болезнь ещё не изъела его память целиком. Пожар, который затронул одну из частей поместья, оставил след в памяти брата. И не только в памяти.

— Я слишком утомлён твоими разговорами, — наконец отозвался Мишель. Слова получились резче, чем он ожидал. С тех пор, как ему стало хуже, мир вокруг начал казаться Мишелю недружелюбным. Лечение не помогало, врачи разводили руками, а отчаяние брата измозило глаза.

Он согласился отправиться в поместье Канди-Роуд в надежде отдохнуть от всего того, что преследовало его эти долгие и мучительные годы.

Тощий силуэт, круги под глазами, осунувшееся лицо, синие губы и бледная, точно полотно, кожа — и такая же тонкая, вечно усталый взгляд чёрных глаз, редкие волосы соломенного цвета, тусклые и безжизненные. Небрежная одежда, состоящая из белой рубашки и яркого красного жилета, и измотанный вид — вот то, что представлял из себя сам Мишель.

И он прекрасно знал это, хоть и редко смотрелся в зеркало. Его и самого пугало собственное отражение, напоминающее живого мертвеца. Но и не надо было смотреть, чтобы знать: взгляды людей говорили ему об этом.

Что он не здоров.

Что он безнадежен.

Что он не такой, как все.

И Мишель сбежал от них в поместье, надеясь пробыть там в одиночестве остаток своих скудных дней, не вслушиваясь в шёпоты за спиной и не встречая укоризненных взглядов компаньонов брата. Всего двадцать лет жизни — ничтожно крохотный отрезок, который ему суждено прожить.

— Я знаю, тебе сейчас нелегко, — вздохнул Огастус, нарушая ход мрачных мыслей Мишеля. — Но мы должны держаться. Должны верить, что всё будет хорошо.

Мишель вновь посмотрел в окно.

— Если ты и вправду так думаешь, дорогой брат, то, вероятно, тебе стоит подлечиться у нашего дяди, — едва шевеля губами, произнёс он.

— Что? — отозвался Огастус, не расслышав. Это было хорошо. Значит, эти слова останутся для Мишеля его маленькой тайной. Навсегда.

— Ничего, — хмыкнул он, продолжая наблюдать за пейзажем. Экипаж въехал на пригорок, откуда Мишель наконец-то увидел их семейное поместье.

Окружённое густым тёмным лесом, оно было словно лилией в болоте. Здание внушало уважение.

Это был его новый и, пожалуй, последний дом.

Это было поместье Канди-Роуд.

Подъездная дорожка, ведущая к поместью, была мощёной, и колёса яростно скрипели о каменную кладку. На пути экипаж встретили массивные кованые ворота. Едва колёса, простучав по камню, въехали на территорию поместья, Мишель почувствовал себя как никогда спокойно.

Кони цокнули копытами и громко фыркнули, ознаменовав остановку.

— Прибыли, хозяин, — отозвался кучер басовым громом. Огастус первым вышел из экипажа, предварительно похлопав брата по плечу, возможно, надеясь, что это придаст ему уверенности.

— Какой тут чудесный воздух! — отметил Огастус, вдыхая полной грудью. Его серый сюртук в свете солнца показался почти белым.

Мишель немного помедлил и вылез следом, поправляя свой жилет. Каменная крошка заскребла под его ботинками, а голова слегка закружилась, словно при эйфории.